

**ФЕДОР СТЕПУН:
ФИЛОСОФ, ХРАНИМЫЙ СУДЬБОЮ**

Заметки главного редактора

Владимир Кантор

Главный редактор журнала

«Философические письма.

Русско-европейский диалог».

Доктор философских наук,

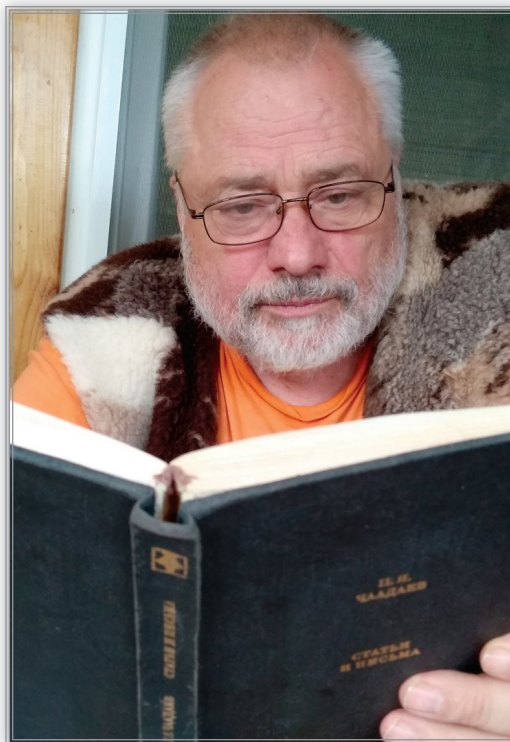
ординарный профессор.

Заведующий Международной

лабораторией русско-европейского

интеллектуального диалога НИУ ВШЭ.

E-mail: vlkantor@mail.ru

DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-3-12-24

Так получилось, что в этом номере журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог» собралось несколько материалов Степуна и о Степуне. Коллеги попросили меня написать, как на рубеже XX и XXI веков написанное Степуном входило в русскую мысль. Я решил попробовать для начала рассказать, как он пришел ко мне.

Разумеется, сочинений Федора Степуна в университетской программе не было. На третьем курсе однокурсник Миша Палиевский посоветовал мне посмотреть дореволюционную статью Степуна о русских славянофилах и немецком романтизме, опубликованную в «Русской мысли». Дореволюционный текст этот не был в спецхране. Статья произвела на меня сильное впечатление.

Прошло лет двадцать. Случай вынес меня на пару недель в Германию, в город Кельн. Шел 1990 год. Там и явился мне Степун, которого немцы называли «мостом между Россией и Германией» (Brücke zwischen Russland und Deutschland): Корнелия Герстенмайер (мы тогда знакомы были шапочно, однако каждый день часа по два говорили по телефону) прислала мне из Бонна по почте том мемуаров Степуна «Бывшее и несбывшееся».

Два слова о Корнелии. Дочь знаменитого Ойгена Герстенмайера, председателя бундестага ФРГ, одного из создателей послевоенного «германского чуда», она и сама была нерядовой фигурой. Она издавала журнал «Kontinent» на не-

мецком языке и помогла Владимиру Максиму создать знаменитый русский «Континент». Однажды мы доболтались до того, что Корнелия предложила мне послать в ее журнал пару небольших рассказов — был у меня цикл «Мутное время», на русском тогда еще не опубликованный. И они вышли в ее журнале (*Finstere Zeiten (Aus dem Zyklus "Träume") (Das Erwachen, Die Opferung) // Kontinent. 1992, № 1. S. 70–75*). Потом специально для «Kontinent» я написал статью про западничество, и текст опубликовали в переводе под названием «Westlertum und Russlands Weg» (*Kontinent. 1992. № 4. S. 23–32*).

Так вот, в 1990 г., за пару дней до моего отлета в Москву, Корнелия вдруг спросила, не хочу ли я какую-нибудь из вышедших на Западе книг русских мыслителей. Среди прочих она назвала имя Федора Августовича Степуна. Его-то я и выбрал, вспомнив юношеский восторг от статьи «Немецкий романтизм и русское славянофильство». Тогда я не представлял, что выбрал одну из лучших, если не лучшую его работу — «Бывшее и несбывшееся»: она только что вышла в лондонском издательстве.

Всю дорогу до Москвы и несколько дней после я читал не отрываясь. А потом предложил главу «Россия накануне 1914 года» в журнал «Вопросы философии», где был членом редколлегии. Мы тогда жадно хватали все, что удавалось получить. Текст вышел с моим предисловием (1992, № 9. С. 89–120).

Так началось мое знакомство с этим мыслителем. Я начал искать западные гранты, которые позволили бы мне изучать его статьи и прозу. Постепенно Степун вырастал в очень значительную фигуру. Московские коллеги говорили, что он мыслитель не первого ряда. Это я понимал. Конечно, Хайдеггер или Ясперс, Флоренский и Соловьев — более сильные мыслители. Но в Степуне меня привлекала невероятная жизненная энергия; он постоянно оказывался

Ф. А. Степун возле своего дома в Мюнхене (Anmillerstrasse, 30).
Последняя прижизненная фотография.
1965 г. Из архива баронессы
А. Н. фон Герсдорфф

Корнелия Герстенмайер

дельной) сказала, что я вдвое превысил договорный объем: получилось 100 печатных листов. И я поехал к Сорокину.

Я уже прикинул, как сократить книгу вполовину, но было жалко текста, что я и сказал Андрею. «Мне тоже жалко, — сказал он. — Я подумаю». И придумал. Двухтысячный год я встретил с томом Степуна, в котором было 1000 страниц.

Надо сказать, что в Питере Степуна издавал профессор А. А. Ермичев. Мы как бы поддерживали друг друга.

Одна за другой вдруг пошли конференции, посвященные Степуну, — прежде всего в России и Германии. В 2009 г. в Кондрове, где прошло детство мыслителя, мы с А. А. Кара-Мурзой совместно

в центре общественно-философских проблем — сначала в России, потом в Германии. Да и позиция его как «русского европейца» меня привлекала.

И тут, как говорил один из подловатых героев булгаковского «Театрального романа» писателю и драматургу Максудову, меня неожиданно «постигла удача». Директор издательства РОССПЭН Андрей Константинович Сорокин поддержал мою заявку на издание работ Степуна. Договор мы подписали на 50 печатных листов. А далее пошли чудеса — часть своей удачи мне, очевидно, передал Степун, недаром его называли «любимцем Фортуны». Я сдал рукопись в издательство. Оттуда позвонила редактор и с печалью (кажется, непод-

Федор Степун

**БЫВШЕЕ
И
НЕСБЫВШЕЕСЯ**

Издание второе

(I-II)

Overseas Publications Interchange Ltd
London 1990

с городским руководством провели «степунскую» конференцию, а затем установили памятную доску (по адресу ул. Комсомольская, д. 7), посвященную Федору Августовичу.

А теперь расскажу о его жизни (1884–1961), которую он провел невероятно энергично. Такая судьба, как у него, мало кого удивляла в эпоху революций и войн, но сейчас кажется словно придуманной. «Мой отец, — писал Федор Степун, — был выходцем из Восточной Пруссии,

где Степуны (исконное начертание этой старо-литовской фамилии Степунесы, т.е. Степановы) с незапамятных времен владели большими земельными угодьями между Тильзитом и Мемелем». Мать происходила из шведско-финского рода Аргеландеров. Родился он в Москве, детство провел в имении родителей Кондрове Калужской области. Отец занимал пост директора писчебумажной фабрики. В 1895 г. по воле матери Федор был крещен в православную веру.

Андрей Константинович Сорокин

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ «ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ»

Ф.А.СТЕПУН
СОЧИНЕНИЯ

Москва
РОССПЭН
2000

В 1902 г. Степун по совету приват-доцента Московского университета Б. П. Вышеславцева отправился изучать философию в Гейдельбергский (Heidelberg) университет (до 1907 г.). Он слушал курс профессоров-неокантов В. Виндельбанда и Г. Риккерта.

Однажды произошел замечательный диалог молодого студента с Виндельбандом — именно благодаря ему молодой студент в первый раз ощутил важность *разграничения* душевных воспарений-излияний (привычных для россиянина) и религиозно-интеллектуального творчества. Степун задал Виндельбанду вопрос: «Как, по Вашему мнению, думает сам Господь Бог; будучи высшим единством мира?» Немецкий профессор на задор русского юнца отве-

тил сдержанно, мягко, но твердо, что у него, конечно, есть свой ответ, но это уже его «частная метафизика» (Степун, 1990: 105). Это стало хорошим уроком для русского любомудра. Уроком, запомнившимся на всю жизнь: философия не есть исповедь, тем более не есть исповедание веры, она наука, строгая наука, ставящая разум преградой эмоциональным бурям, таящимся в человеке. Кстати, Виндельбанд писал заключение (Gutachten) на магистерскую диссертацию Степуна...

Традиция христианского рационализма в России существовала. Стоит вспомнить хотя бы слова Чаадаева, что христианство было «плодом Высшего Разума» (Чаадаев, 1989: 457). В 1909 г. Степун с друзьями-студентами составили сборник «О мессии. Эссе по философии культуры» («Vom Messias. Kulturphilosophische Essays von R. Kroner, N. von Bubnoff,

Вильгельм Виндельбанд (1848–1915)

G. Mehlis, S. Hessen, F. Steppuhn». Leipzig. Verlag von W. Ehglehmann. 1909). Но издатели сильно сомневались в студенческом творчестве. Тогда новое чудо: юный Степун отважно отправился к приехавшему в Гейдельберг самому знаменитому в те годы русскому — Дмитрию Мережковскому. И тот поддержал сборник. На русский язык его недавно перевели и издали усилиями А. А. Ермичева.

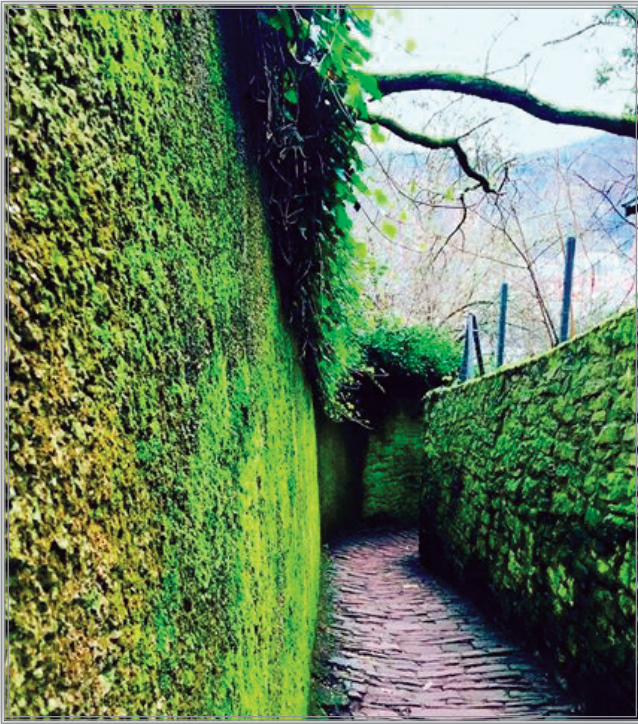
Затем в 1910 г. Степун защитил докторскую диссертацию на тему «Философия Владимира Соловьева». С университетских времен Владимир Соловьев стал постоянным спутником размышлений молодого мыслителя, его портрет всегда сопровождал Степуна, куда бы ни занесла его судьба.

Еще деталь. В гейдельбергской университетской библиотеке, в архивном отсеке, я занимался перепиской Степуна с другим эмигрантом — известным филологом Дмитрием Чижевским. Рядом с университетом есть гора, а по гребню ее идет так называемая «философская тропа» (Philosophenweg), по которой, как гласит легенда, гуляли Гегель, Макс Вебер, Ясперс и другие. От университетской библиотеки к этой философской дороге вело множество тропок. Одна из них называлась «тропа Гёльдерлин (Friedrich Hölderlin)». Я, мечтая об одинокой философской прогулке, решил как-то подняться по этой тропе и достичь Philosophenweg. За спиной рюкзак, в рюкзаке довольно тяжелый ноутбук... несколько раз я думал повернуть назад, но говорил себе, что если немецкий поэт тут поднимался, то я не должен спасовать. И поднялся. Однако по тропе шла толпа туристов. По сторонам стояли неплохие дома, дворы засажены деревьями и кустами. Среди кустов — небольшие садовые гипсовые статуи. На бедре одной из женских фигур написан вопрос: «Heute schon philosophiert?» («Философствовал ли сегодня?»). Оказывается, что Philosophenweg включена в туркомплекс: автобусы выгружали туристов к началу философской тропы для прогулки.

Однако вернемся к делам Фортуны. Чудо всегда приходит, чтобы преодолеть беду. Шел к концу мой второй месяц по гранту. Я перепечатывал послед-

Федор Степун в своем кабинете,
на стене портрет
Владимира Соловьева

Philosophenweg

ние страницы переписки Степуна и Чижевского. Все архивные работники и читатели ко мне привыкли, кивали мне головой. Через два дня надо было ехать в аэропорт. И тут случилось нечто ужасное. Мой ноутбук погас. Вся двухмесячная работа погибла. Дело в том, что я забыл правило — сбрасывать наработанное на флешку. Да у меня ее и не было. Растерянно поглядев по сторонам, я медленно пошел ко входу. Понятно было, что больше мне гранта в этот университет не получить. Ощущение ужаса. По дороге я зашел в магазин, где продавались компы и т.п., купил пару флешек и пошел в студенческую квартирку, где жил. Подойдя к столу, достал из рюкзака ноутбук, тупо посмотрел на него и так же тупо включил. И вдруг экран загорелся. Я с трудом, еле шевеля руками, достал флешку, вставил ее в разъем и скопировал текст. Вынул флешку. Экран погас. Двухмесячная работа была спасена. Это очевидная рука Фортуны, следящей за теми, кто помогает ее любимцу Степуну.

Из его невероятных дел — это основание в 1910 г. вместе с друзьями, С. И. Гессеном и Б. В. Яковенко, международного журнала по философии культуры, знаменитого «Логоса». На его страницах русские мыслители печатались рядом с западными, на равных правах. Журнал стал серьезным интеллектуальным событием. В первом номере было объявлено участие В. И. Вернадского, И. М. Гревса, Ф. Ф. Зелинского, Б. А. Кистяковского, А. С. Лаппо-Данилевского, Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова, П. Б. Струве, С. Л. Франка. В русской версии «Логоса» участвовали и иностранные философы: Э. Гуссерль, Г. Зиммель, Г. Риккерт, Р. Кронер, Г. Вёльфлин, В. Виндельбанд, Н. Гартман, П. Наторп, Б. Кроче, Э. Бутру.

Издание прервала война. Степун ушел артиллеристом на германский фронт в чине прапорщика. Надо сказать, что он, несмотря на возгласы патриотических публицистов по обе стороны фронта (в России и в Германии), видел вокруг себя то состояние умов, которое позднее назвал «*метафизической инфляцией*». Живым примером был его старый оппонент, философ-славянофил Владимир Эрн, один из ближайших друзей Вяч. И. Иванова и П. А. Флоренского. Не участвовавший сам в боевых действиях, но писавший программные антинемецкие

Издание прервала война. Степун ушел артиллеристом на германский фронт в чине прапорщика. Надо сказать, что он, несмотря на возгласы патриотических публицистов по обе стороны фронта (в России и в Германии), видел вокруг себя то состояние умов, которое позднее назвал «*метафизической инфляцией*». Живым примером был его старый оппонент, философ-славянофил Владимир Эрн, один из ближайших друзей Вяч. И. Иванова и П. А. Флоренского. Не участвовавший сам в боевых действиях, но писавший программные антинемецкие

статьи — вроде «От Канта к Круппу», «Налет Валькирий» и т.п., Эрн, говоря о страдавших в окопах русских солдатах, торжественно провозглашал: «Вместо людей в серых шинелях мы видим вдруг *живой серый гранит* (здесь и далее выделено автором. — В.К.), который решительно неподвластен обычным законам человеческого существования. <...> Этот момент есть явление народного духа, внезапное вторжение онтологии народного существования» (Эрн, 1991: 395). Эрн рисовал почти мистериальную ситуацию «хорового Дионисова действия», не замечая, однако, нарочитой театральности описываемой героики. Находившийся в действующей армии Степун писал по поводу ура-патриотических философствований: «какие-то слепые бельма публицистической нечестности и философского доктринерства» (Степун, 2000б: 75). Он-то и в самом деле рисковал жизнью. Но снаряды и пули его щадили. Как-то вышел из офицерской землянки, и секунду спустя ее разворотило немецким артиллерийским снарядом. Был рядом со смертью, но ангел-хранитель стоял на страже. Все же получил тяжелое ранение. Попал в госпиталь, где закончил первую книжку «Из писем прапорщика-артиллериста» (1918).

Потом как человек общественно активный печатал в газетах статьи против рвавшихся к власти большевиков, служил начальником политуправления при военном министре Временного правительства Б. В. Савинкове. Большевики пришли к власти, начались расстрелы инакомыслящих. Но Степун успел уехать в деревню к жене, занялся крестьянской работой (вспомним пастернаковского Юрия Живаго). Опять помог ангел-хранитель, наверное.

Но дальше ангелу пришлось потрудиться серьезнее.

В 1918 г. вышел первый том книги Освальда Шпенглера «Der Untergang des Abendlandes» (русский перевод книги «Закат Европы» появился в 1922 г.). Первым, кто получил его из Германии, был Федор Степун. Книга произвела на него сильнейшее впечатление. Он сделал в Москве несколько докладов, дал читать том Бердяеву, Франку и другим. И выпустил сборник «Освальд Шпенглер и Закат Европы». В нем приняли участие, кроме самого Степуна, Бердяев, Франк, Букшпан.

Сборник, культуртрегерский по своему пафосу, вызвал неожиданную для их авторов реакцию вождя большевиков:

«Н. П. Горбунову. Секретно. 5. III. 1922 г.

т. Горбунов. О прилагаемой книге я хотел поговорить с Уншлихтом. По-моему, это похоже на **литературное прикрытие белогвардейской организации**. Поговорите с Уншлихтом не по телефону, и пусть он мне напишет **секретно** (здесь и далее выделено мной. — В. К.), а книгу вернет. Ленин» (Ленин, 1975: 198).

Иосиф Станиславович Уншлихт (род. в 1879 г., Польша) был в эти годы заместителем председателя ВЧК и доверенным лицом вождя, даже более близ-

ким, чем Дзержинский. А 15 мая, то есть спустя два месяца, в Уголовный кодекс по предложению Ленина вносится положение о «высылке за границу». По словам Ленина, это была замена «высшей меры»: если кто-то вернется — расстрел на месте. В Постановлении Политбюро ЦК РКП(б) об утверждении списка высылаемых из России интеллигентов от 10 августа 1922 г. Степун, попавший в дополнительный список, характеризовался следующим образом: «7. Степун Федор Августович. Философ, мистически и эсеровски настроенный. В дни керенщины был нашим ярим, активным врагом, работая в газете правых с[оциалистов]-р[еволюционеров] “Воля народа”. Керенский это отличал и сделал его своим политическим секретарем.

Сейчас живет под Москвой в трудовой интеллигентской коммуне. За границей он чувствовал бы себя очень хорошо и в среде нашей эмиграции может оказаться очень вредным. Идеологически связан с Яковенко и Гессеном, бежавшими за границу, с которыми в свое время издавал “Логос”. Сотрудник издательства “Берег”. Характеристика дана литературной комиссией. Тов. Середа за высылку. Тт. Богданов и Семашко против» (Артизов, 2003: 31). А чуть позже (23 августа) Степун оказался восьмым номером в «Списке не арестованных» (Макаров, 2005: 110). Таким образом создавался список русских мыслителей для высылки за границу.

Заключение Секретного отдела ГПУ в отношении Ф. А. Степуна от 30 сентября 1922 г.: «С момента **октябрьского переворота (!)** и до настоящего времени он не только не примирился с существующей в России в течение 5 лет Рабоче-Крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности в моменты внешних затруднений для РСФСР» (Там же: 338). И в 1922 г. они были высланы.

Так антишпенглеровский сборник совершенно иррациональным образом «вывез» авторов в Европу, по словам Степуна, из «скифского пожарища».

Это, конечно, дело ангела-хранителя или Фортуны, как угодно! Сборник, который должен был погубить русских интеллектуалов (слова Ленина о «высшей мере» не случайны), спас их, отправив на Запад. Интересно здесь, что сами чеки-

сты называли Октябрьскую революцию «переворотом», но еще интереснее текстовые совпадения с доносом на Степуна в нацистской Германии, о чем ниже.

В 1926 г. Степун занял кафедру социологии в Дрезденской высшей технической школе при содействии влиятельных друзей и коллег — Рихарда Кронера, профессора кафедры философии, Пауля Тиллиха, профессора кафедры теологии. Из Фрайбурга письмом поддержал его кандидатуру Эдмунд Гуссерль. Но затем власть сменилась. Как и большевики, нацисты терпели его ровно четыре года, пока не увидели, что перековки в сознании профессора Степуна не происходит. В доносе 1937 г. говорилось, что он должен был бы переменить свои взгляды «на основании параграфов 4-го или 6-го известного закона 1933 г. о переориентации профессионального чиновничества. Эта переориентация не была им исполнена, хотя, прежде всего, должно было ожидать, что, как профессор, Степун определится по отношению к национал-социалистическому государству и построит правильно свою деятельность. Но Степун с тех пор не предпринял никакого серьезного усилия по позитивному отношению к национал-социализму. Степун многократно в своих лекциях отрицал взгляды национал-социализма, прежде всего по отношению к целостности национал-социалистической идеи, как и к значению расового вопроса, точно так же и по отношению к еврейскому вопросу, в частности, важному для критики большевизма» (Treiber, 1995: 98).

Нацисты запретили ему преподавать и читать лекции. И снова повезло: была назначена мизерная пенсия, которой тем не менее хватало на очень скромную жизнь. Тогда Степун взялся за мемуары. В мае 1938 г. он писал друзьям в Швейцарию из Дрездена: «Мы живем хорошо и внутренне сосредоточенную жизнью. Приезжавший к нам отец Иоанн Шаховской упорно подсказывал мне мысль, что это Бог послал мне времена тишины и молчания, дабы обременить меня долгом высказать то, что мне высказать надлежит, и не разбрасываться по всем направлениям в лекциях и статьях. <...> Я затеял большую и очень сложную работу литературного порядка и очень счастлив, что живу сейчас в своем прошлом и скорее в искусстве, чем в науке» (Stepun).

Книга получалась и впрямь необычной. Ее масштаб современники сравнивали с мемуарами А. И. Герцена «Былое и думы». Писал он всю войну. И снова рука Фортуны: 13–15 февраля 1945 г. англичане и американцы бомбили Дрезден, погибли несколько десятков тысяч мирных жителей, а Степун с женой уехал на неделю к другу за город поработать над мемуарами. Дом разбомбили до основания. Погибли все книги и рукописи. Но сам философ, его жена и рукопись «Бывшего и несбывшегося» уцелели.

Антинацистская позиция профессора была оценена в новой Германии. Он переехал в Мюнхен, получив приглашение занять кафедру по истории русской

Автор статьи
под памятной доской Степуну

духовности, специально для него созданную. Там он и жил до конца дней. По возрасту, согласно немецким законам, он не имел права занимать кафедру, но университетское руководство обошло это препятствие, дав Степуну должность Honorarprofessor (Hon. Prof.) — почетный профессор университета.

Его восьмидесятилетний юбилей был фантастическим. Сотни писем, поздравлений, чествования в разных учреждениях Мюнхена, статьи в газетах. В юбилейной речи другой знаменитый русский мыслитель-изгнанник, Д. И. Чижевский, говорил: «К концу войны враждебный Степуну огненный элемент превратил в развалины его город — Дрезден. Степун спасся почти случайно — во время одной поездки ему после небольшого “несчастливого случая”, оказавшегося счастливым, не удалось вернуться домой в Дрезден. Потом возвращаться оказалось некуда! И поток жизни вынес его в любящий искусство город на берег Изара, где мы празднуем его 80-летний юбилей» (Чижевский, 1998: 250).

Через год, в 1965-м, он скончался, ушел легко. Говорят, что легкая смерть дается хорошему человеку, прожившему трудную жизнь. Некрологи, обширные статьи в газетах и журналах. В Мюнхене, на стене дома, где он жил, установили мемориальную доску.

Приведу отклик на его смерть Д. А. Шаховского: «Общественник, социолог, философ, неутомимый лектор высокого стиля, он был более социально-лирическим, чем политическим выражением “русского европейца”, несшего в себе и Россию, и Европу, чтобы говорить России и Европе о “Новом Граде”, о том обществе и устройстве социальном, в котором живет правда. <...> Он был от плеяды тех верующих русских мыслителей первой половины этого века, кото-

рых зарядила на всю жизнь светлой верой в Бога и действием этой веры мысль Владимира Соловьева» (Архиепископ Иоанн, 1965: 4).

Степун понимал, что как России нельзя без Запада, так и Западу нельзя без России, что только вместе они составляют то сложное и противоречивое целое, которое называется Европой. Степун и его друзья по эмиграции все силы направляли на то, чтобы фашизирующаяся Европа вернулась к базовым христианским ценностям, иными словами, говоря, быть может, немножко торжественно, но точно, желали спасти Европу. Не случайно одна из эмигрантских писательниц, знавшая Степуна, именно в этом регистре его и воспринимала: «Что заставляло меня верить, что Европа, вопреки всему, что случилось, зиждется на камне?» И ответ поразителен: «Там был Ф. А. Степун. Монолит, магнит, маяк. Атлас, державший на своих плечах две культуры — русскую и западноевропейскую, посредником между которыми он всю свою жизнь и был. Пока есть такой Атлас, Европа не сгинет, устоит» (Жиглевич, 1992: 30–31).

Кредо философии истории Степуна, как он сам писал, — «Божье утверждение свободного человека как религиозной основы истории» (Степун, 2000а: 272). Он сам и был таким человеком.

Литература

- Артизов А. С. (2003). «Очистим Россию надолго». К истории высылки интеллигенции в 1922 г. Публикацию подготовил А. Н. Артизов // Отечественные архивы. № 1.
- Архиепископ Иоанн С. Ф. (Сан-Францисский) (1965). Русский звездопад (Памяти Федора Степуна) // Русская мысль. 8 апреля.
- Жиглевич Е. (1992). Безмолвные встречи со Степуном // Степун Федор. Встречи и размышления. Избранные статьи / под. ред. Евг. Жиглевич. Со вступ. статьями Бориса Филиппова и Евгении Жиглевич. London. Overseas Publications Interchange Ltd. С. 30–31.
- Ленин В. И. (1975). ПСС. Т. 54. М.: Политиздат.
- Макаров В. Г. (2005). Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923 / Вступ. ст., сост. В. Г. Макарова, В. С. Христофорова; коммент. В. Г. Макарова. М.: Русский путь.
- Степун Ф. А. (1990). Бывшее и несбывшееся. London. Т. I.
- Степун Ф. А. (2000а). Мысли о России. Очерк V // Степун Ф. А. Сочинения. М.: РОССПЭН.
- Степун Ф. А. (2000b). (Н. Лугин). Из писем прапорщика-артиллериста. Томск: Водолей.
- Чаадаев П. Я. (1989). Сочинения. М.: Правда.
- Чижевский Д. И. (1998). Речь о Степуне // Степун Федор. Встречи. М.: Аграф.
- Эрн В. Ф. (1991). Время славянофильствует // Эрн В. Ф. Сочинения. М.: Правда.
- Stepun. Stepun Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Zernov. Box 9. Stepun, Fedor Avgustovich. To Maria and Gustave Kullmann.
- Treiber H. (1995). Fedor Steppuhn in Heidelberg (1903–1955). Über Freundschaft und Spatburgertreffen in einer deutschen Kleinstadt // Treiber Hubert & Sauerland Karol (Hrsg.). Heidelberg im Schnittpunkt intellektueller Kreise. Zur Topographie der «geistigen Geselligkeit» eines «Weltdorfes»: 1850–1950. Opladen, Wesdeutscher Verlag GmbH.

References

- Artizov A. S.* (2003). «Ochistim Rossiyu nadolgo». K istorii vysylki intelligencii v 1922 g. Publikaciiyu podgotovil A. N. Artizov // Otechestvennye arhivy. № 1.
- Arhipiskop Ioann S. F. (San-Francissskij)* (1965). Russkij zvezdopad (Pamyati Fedora Stepuna) // Russkaya mysl'. 8 aprelya.
- Chaadaev P. YA.* (1989). Sochineniya. M.: Pravda.
- Chizhevskij D. I.* (1998). Rech' o Stepune // Stepun Fedor. Vstrechi. M.: Agraf.
- Ern V. F.* (1991). Vremya slavyanofil'stvuet // Ern V. F. Sochineniya. M.: Pravda.
- Lenin V. I.* (1975). PSS. T. 54. M.: Politizdat.
- Makarov V. G.* (2005). Vysylka vmesto rasstrelya. Deportaciya intelligencii v dokumentah VCHK-GPU. 1921–1923 / Vstup. st., sost. V. G. Makarova, V. S. Hristoforova; komment. V. G. Makarova. M.: Russkij put'.
- Stepun F. A.* (1990). Byvshee i nesbyvsheesya. London. T. I.
- Stepun F. A.* (2000a). Mysli o Rossii. Ocherk V // Stepun F. A. Sochineniya. M.: ROSSPEN.
- Stepun F. A.* (2000b). (N. Lugin). Iz pisem praporshchika-artillerista. Tomsk: Vodolej.
- Zhiglevich E.* (1992). Bezmolvnye vstrechi so Stepunom // Stepun Fedor. Vstrechi i razмышleniya. Izbrannye stat'i / pod. red. Evg. Zhiglevich. So vstup. stat'yami Borisa Filippova i Evgenii Zhiglevich. London. Overseas Publications Interchange Ltd. P. 30–31.